

УДК 811.133.1

Л. С. Давыдова,

Институт иностранных языков,

Волгоградский государственный социо-педагогический университет

Научный руководитель: канд. фил. наук А. Д. Никодимова

Лингвокультурный типаж *La Belle Juive* во франко-идишской литературе

Аннотация. Представлен лингвокультурный типаж *La Belle Juive* (прекрасная еврейка) во франко-идишской литературе рубежа XIX–XX веков. Рассматривается репрезентация еврейской женщины франкофонными еврейскими и нееврейскими писателями.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, прекрасная еврейка, французская литература, французский романтизм, феминизм, иудаизм.

Французская романтическая литература конца XIX в. изобилует многообразными фигурами: и благородного дикаря, и байроновского героя, и прекрасной девы. Образ прекрасной неприступной (а в некоторых сюжетах — роковой) отроковицы, не верующей в Иисуса Христа и живущей обособленно от церкви и горожан, появляется в Средние века и затем становится одним из ключевых литературных фигур в эпоху *fin de siècle*, раскрываясь как лингвокультурный типаж *La Belle Juive*.

La Belle Juive — это вымышленный полиморфный женский литературный персонаж иудейского вероисповедания. Обычно описывается как набожная черноволосая кудрявая девушка невиданной красоты с восточным разрезом глаз и оливковой кожей.

В текстах Танаха еврейская женщина редко фигурирует в качестве главного персонажа сюжета. Главным образом, роль женщины-матери считается ключевой в раввинских писаниях и способствует развитию литературной традиции эпохи *fin de siècle*, которую начнут низводить с пьедестала франкоговорящие писатели, писавшие на идише, и параллельно укоренять французские нееврейские авторы.

Движение Хаскала в Европе XIX в. изменила направление еврейской литературы — из религиозного руслу тексты перешли в светское — благодаря деятельности маскилим. Маскилим называли поборников светского знания, распространявшегося среди евреев при помощи еврейской литературы (в основном на идише, служившем лингва франка ашкеназского идишкайта). Суффражистские настроения, поселившиеся в закрытых еврейских сообществах, поспособствовали разнообразию

сюжетов еврейской литературы. Так, литература Хаскалы предлагает два основных типа женских персонажей на основе европейской литературной модели XIX в.: идеальная (с точки зрения маскилим) эмансипированная женщина с бунтарским характером и революционным настроением, и уродливая «раввинистическая» женщина, отвлекающая мужчину от выполнения заповедей — в противовес еврейке-бунтарке как отражения вырождения традиционного общества.

Итак, именно Еврейка как второстепенный персонаж в сценах Страстей или резни невинных считается Прекрасной, но никак не еврей, и этому дается объяснение. Прекрасная Еврейка в средневековых текстах предстает как единственная нехристианка, способная оплакивать участь Иисуса, таким образом контрастируя с фигурой мужчины-еврея [3, р. 19] — убийцей Иисуса.

Это противостояние продолжалось веками: красота *La Belle Juive* усиливала физическое и моральное уродство еврея и таким образом совершенствовала его стереотипизацию. Кровосмесительный союз, являясь и так признаком интернализации гетто, трансформируется в треугольные отношения между еврейкой, отцом и любовником-иноверцем (*Juive-père-amant*) [4]. Неотделимый от архетипа *La Belle Juive*, этот триптих принимает различные вариации в зависимости от автора и отражает взгляд социума на еврейскую ассимиляцию. Согласно определению Сартра, *La Belle Juive* служит мотивом для выражения мнения авторов о евреях в целом [8, р. 56–57].

Будучи жертвой и антисемитских погромов, и деспота-отца, *La Belle Juive* «естественным образом» поддается религиозным преследованиям, но искупление остается возможным для легко

внушаемой еврейки благодаря ее состраданию Христу, которое может подтолкнуть ее на крещение.

Красота еврейских женщин во французской литературе отсылает к Библии и к Востоку. *La Belle Juive* нееврейского писателя сочетает в себе атрибуты восточной женщины. Эта красота также опирается на амбивалентную перцепцию ориентализма, существовавшую со времен Египетской экспедиции. Популяризация стереотипа восточной красоты соответствует периоду европейской колониальной экспансии, отчего берет свои истоки концепция предполагаемого превосходства Запада супротив неполноценности Востока [7, p. 56], чья составляющая подчеркивает отличие между ведомым (Европа, Запад, «мы») и инаковым (Восток, «они») [7, p. 59].

La Belle Juive не избежала этого этноцентризма. В *Poèmes antiques et modernes* Альфреда де Виньи, а затем в *Les Orientales* Виктора Гюго фигура еврейки соответствует шаблонному описанию восточной женщины. Теофиль Готье дает такое описание евреек, как *orientalement enivrantes*, у Бальзака они воплощают *les délices de l'Orient* [1, p. 57], а Восток *brillait dans les yeux et dans la figure*. Цвет их кожи имеет *pâleur mate* [5, p. 87], а цвет лица — *à la nuance sombre* [6, c. 167].

Если в женском восточном мире мусульманка воплощает собой «неприрученную инаковость», то еврейка — это сущность лакановского Другого: ее красота скрыта за стенами гетто и дома властного отца, которую необходимо высвободить и приобщить к христианской вере [4]. Если еврейская инаковость воплощается в мужчине-еврее в его уродстве, то обезображивание его женского альтер эго невозможно. Об этом свидетельствует место, ко-

торое занимает ее красота. Более того, податливая и пассивная природа восточной женщины *La Belle Juive* столь же естественно поддается зависимости. Фетишизация Востока стала предпосылками юдофобного и мизогинного дискурса конца XIX в. — восточная еврейка, сладострастная и покорная своим собственным удовольствиям и удовольствиям западного мужчины, вписывается в образ куртизанки. Отсюда вытекает другой вид популярных сюжетов о роковой и разрушающей *La Belle Juive*. Взгляд мужчины колеблется между пренебрежением и возжеланием запретного, тем более что эта женщина вдвойне недоступна: как восточная, ревниво заточенная в «гареме», и как еврейка, заключенная в гетто [4].

Поэтому говорить об ориентализированной *La Belle Juive* — значит, обречь ее бытие в символическое гетто из стереотипов. Образ гетто часто ассоциируют с фигурой Востока. Так, Теофиль Готье изображает венецианское гетто: *Toutes les maladies oubliées des léproseries d'Orient semblaient ranger ces murailles galeuses* [2, p. 99]. Процесс геттоизации способствует укреплению характера отчуждения и, как следствие, подчиненности. Покорная отцу, а значит, уступчивая и покладистая, она будет так же покорна христианской морали [9, p. 134].

Итак, *La Belle Juive* является зеркалом социополитических преобразований того времени. Некоторые из нееврейских писателей опирались на общепринятые представления о женщине Востока, способствуя преемственности этих стереотипов, что привело к фетишизации *La Belle Juive*, которая стала одной из причин для оправдания дискурса, связывающего воедино юдофобию и женоненавистничество.

1. Balzac H. Splendeurs et misères des courtisanes. — Paris : Gallimard, 2008. — 704 p.
2. Gautier T. Italia. Voyage en Italie. — Paris : Charpentier, 1912. — 366 p.
3. Klein L. A. Portrait de la Juive dans la littérature française. — Paris : Nizet, 1970. — 220 p.
4. Maczka E. La “belle Juive”, avatars d’une figure de l’Autre en littérature française // Scripta Judaica Cracoviensia: laviendesidees.fr. — 2010. — Vol. 8. — URL: https://laviendesidees.fr/IMG/pdf/20120705_maczka.pdf (дата обращения: 15.11.2022).
5. Maupassant G. Bel-Ami. — Paris : Gallimard, 1997. — 438 p.
6. Maupassant G. Mademoiselle Fifi et autres nouvelles. — Paris : Gallimard, 1997. — 151 p.
7. Said E. W. L’Orientalisme. L’Orient créé par l’Occident / trad. De l’américain C. Malamoud. — Paris : Seuil, 1980. — 398 p.
8. Sartre J. P. Réflexions sur la question juive. — Paris : Gallimard, 2004. — 192 p.
9. Süe E. Le Juif Errant. — Paris : Robert Laffont, 1983. — 1120 p.